

Тимофеев-Ресовский в Берлин-Бухе: новые документы — старые обвинения

ГЕОРГИЙ ЛЕВИТ, УВЕ ХОССФЕЛЬД***

* University of King's College, 6350 Coburg Road, Halifax, NS, B3H2A1 Canada;
georgelevit@gmx.net

** AG Biodidactics, Jena University, Am Steiger 3, 07743 Jena, Germany;
uwe.hossfeld@uni-jena.de

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский был одним из создателей синтетической теории эволюции. Трудности жизни в тоталитарных государствах (Германии и СССР) не помешали ему создать фундаментальную исследовательскую программу, нацеленную на объяснение эволюционного процесса на всех уровнях. Тем не менее, биография Тимофеева-Ресовского и в особенности его деятельность в нацистской Германии остаётся предметом жарких споров. В настоящей статье мы анализируем аргументы, приведённые в недавно опубликованной книге немецкого историка науки Флориана Шмальца (Schmaltz, 2005), утверждающего, что Тимофеев-Ресовский участвовал в исследованиях военного значения.

Ключевые слова: Н.В. Тимофеев-Ресовский, Третий рейх, военные исследования.

В истории современной науки существует несколько фигур, культовых для российской историографии и маргинальных для западной истории науки. Самым ярким примером является Владимир Иванович Вернадский, изучаемый в России уже в рамках школьных программ и почти неизвестный в англоязычном мире даже профессиональным биогеохимикам и теоретикам биосферы. Даже автор теории Геи Джеймс Лавлок в своей недавней книге (Lovelock, 2009) назвал Вернадского автором «анекдотов» на тему биосферы.

Похожая ситуация сложилась и с наследием Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Он является предметом жарких споров в России, но в западной, и особенно англоязычной, научной литературе его вклад в эволюционную биологию обсуждается мало. В настоящий момент самая обширная система индексирования научных журналов ISI Web of Science по запросу “Topic: Timofeeff-Ressovsky” выдаёт 18 статей, 9 из которых опубликовано в русских журналах, 4 опубликованы русскими авторами в иностранных журналах, а 2 статьи опубликованы авторами настоящей работы. На наш взгляд, данная ситуация объясняется рядом причин. Во-первых, это изоляция, в которой Тимофеев-Ресовский оказался после депортации в СССР. Она пришлась как раз на время расцвета эволюционного синтеза в англоязычных странах, которое было также и временем создания историографии синтеза. Во-вторых, ретроспективная реконструкция становления эволюционного синтеза самими его создателями (и прежде всего Эрнстом Майром) отводила континентальным ученым вспомогательную роль. Если отвлечься от мемуарной литературы и литературы, специально посвящённой развитию эволюционной теории в России, и обратиться к наиболее цитируемым общим обзорам по теории эволюции, то можно убедиться, что Тимофееву-Ресовскому там отведено несравнимо более скромное место, чем, скажем, Э. Майру или Ф.Г. Добржанскому.

В этих условиях следует с благодарностью относиться к любым попыткам оживить дискуссию о Тимофееве-Ресовском, в том числе и к критическим «нападкам»

в его адрес, касающимся его деятельности в период работы в нацистской Германии. Именно с этой точки зрения мы и подошли к анализу недавно опубликованной книги немецкого историка науки Флориана Шмальца «Исследования боевых отравляющих веществ при национал-социализме» (Schmaltz, 2005). Объёмная глава книги посвящена непосредственно Тимофееву-Ресовскому и его лаборатории, при этом Шмальц вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы.

Целью Шмальца является переоценка деятельности Тимофеева-Ресовского в период Третьего рейха. Шмальц исходит из предположения, что в период правления национал-социалистов предпосылкой успешной деятельности учёного уровня Тимофеева-Ресовского (напомним, что с 1937 г. он являлся *de facto* руководителем автономного подразделения в составе Института мозга Общества Кайзера Вильгельма — *KWI für Hirnforschung*) должна была быть глубокая интегрированность в немецкую научную и социально-политическую системы. В качестве примера такой интеграции Шмальц приводит процесс получения исследовательских грантов у основного фонда, финансировавшего науку, — DFG (Немецкое исследовательское общество). Сам характер подачи заявок на гранты предполагал собственную инициативу учёного, то есть DFG не навязывал исследовательские проекты. Отдел генетики под руководством Тимофеева-Ресовского проводил в том числе и исследования однозначно военной направленности, такие как исследования противогазов. Тот же самый нейтронный генератор, что использовался для фундаментальных исследований в области молекулярной структуры гена, идеально подходил для исследования фильтров для противогазов методом изотопных маркеров. По Шмальцу, структура, оборудование лаборатории, а также экспертная квалификация сотрудников определили характер исследований, проводимых Отделом генетики под руководством Тимофеева-Ресовского. Таким образом, исследования, имевшие отношение к военной промышленности, были не просто результатом навязанного сверху компромисса с социально-политическим окружением, но являлись итогом сложного процесса взаимодействия двух активных агентов: науки и общества. Эта картина противоречит традиционному взгляду, основанному на дихотомии активного и пассивного в рамках тоталитарного государства, где учёный представляется пассивной жертвой агрессивного тоталитарного режима. В условиях нацистской Германии интегрированность в военно-промышленный комплекс (ВПК) подразумевала ясно выраженную волю учёного к интеграции. По Шмальцу, Отдел генетики Тимофеева-Ресовского такую волю продемонстрировал.

Шмальц выделяет несколько периодов, характеризующих интеграцию Отдела генетики в ВПК Германии. Первая стадия связана с фактическим отделением Отдела генетики от Института мозга (1937) в качестве автономной административной структуры. Это, с одной стороны, предоставило ему большую свободу, но с другой — послужило толчком «к более тесному сотрудничеству с институтами, созданными режимом национал-социализма, такими как RFR¹, и бюрократией четырёхлеток, в задачу которых входило целенаправленное стимулирование исследований в области вооружений» (Schmaltz, 2005, S. 289).

Отделению Отдела генетики в автономную структуру предшествовало приглашение Тимофеева-Ресовского на работу в Карнеги-институт в Колд Спринг Харбор (США), которое он отклонил. Шмальц замечает, что Тимофеев-Ресовский предпочёл

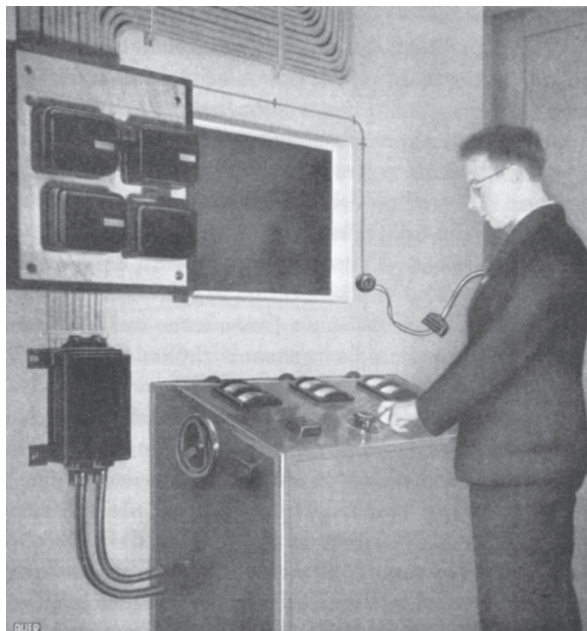
¹ RFR: *Reichsforschungsrat* (Имперский исследовательский совет) образован в 1937 г. для координации научных исследований. RFR был организацией с ярким выраженным милитаристским уклоном и поддерживал, в том числе, исследовательские проекты СС.

условия труда в нацистской Германии предложению из США. М.Б. Конашев (1997) подробно проанализировал переписку Тимофеева-Ресовского и Милислава Демереца, который инициировал предложение из США. Уже 21 февраля 1936 г. Тимофееву-Ресовскому было сделано конкретное и привлекательное предложение из Колд Спринг Харбора, хотя и признавалось при этом, что технические возможности будут хуже того, что он имеет в Германии. Несмотря на то что Демерец требовал скорейшего ответа, Тимофеев-Ресовский пытался затянуть переговоры до апреля 1937 г., ссылаясь на контракт с Институтом мозга. На самом деле, Хуго Шпатц, рекомендованный на пост директора Института мозга вместо Оскара Фогта, был настроен против Тимофеева-Ресовского и попытался избавиться от Отдела генетики. Он рекомендовал Тимофееву-Ресовскому попытаться получить место в Институте биологии им. Кайзера Вильгельма, освободившееся после ухода Рихарда Гольдшмидта, но директор института фон Веттштайн предпочёл Альфреда Куна. В разгар этих событий, 12 июня, Рудольф Менцель пригласил Тимофеева-Ресовского в REM (Министерство науки, воспитания и образования), заверил его, что Отдел генетики остаётся в Берлин-Бухе и, что самое главное, пообещал Тимофееву-Ресовскому самостоятельный бюджет (Schmaltz, 2005, S. 254). Тем не менее в письме от 17 июня 1936 г. «Тимофеев-Ресовский, ссылаясь на то, что окончательный ответ сможет дать только в августе, просил Демереца, если только это возможно, отложить решение по вакансии еще раз на два месяца» (Конашев, 1997). Тимофеев-Ресовский явно выбирал лучшие и более стабильные условия для исследований, не принимая во внимание политические аспекты.

Рокитянский (2003) также упоминает этот эпизод и приводит записку сотрудника фонда Рокфеллера М.Г. Миллера, в которой тот описал причины отказа Тимофеева-Ресовского принять предложение из США. В числе причин значилось лучшее техническое оснащение, а также более высокий статус профессора в Германии. Техническое оснащение немецких научных институтов достигалось в том числе и за счёт сотрудничества с RFR и DFG. Уже через четыре дня после образования RFR, отмечает Шмальц, сотрудник Тимофеева-Ресовского Карл Циммер написал заявку на стипендию. В своей рецензии на заявку Тимофеев-Ресовский отметил высокую ценность книги Циммера по радиодозиметрии (цит. по: Schmaltz, 2005, S. 255). Стипендия позволила Циммеру в течение года работать на заводах Филипс в Голландии, где он познакомился с функционированием нейтронных генераторов высокой мощности.

Следующий этап связан с открытием в начале 1938 г. обществом «Ауэр» (*Auerge-sellschaft*) своего филиала (*Außenstelle*) под руководством Ханс-Йоахима Борна в рамках Отдела генетики. Центральным элементом биофизической лаборатории являлся нейтронный генератор. К весне 1939 г. установка генератора, который оставался собственностью *Auerge-sellschaft*, была завершена (Schmalz, 2005, S. 263). Это позволило проводить радиобиологические эксперименты, а также экспериментировать с газовыми масками (Schmaltz, 2005, S. 290). Таким образом, заключает Шмальц, «вместо спорадической кооперации, шла последовательная совместная работа внутри рабочей группы, которая в последующие военные годы установилась вокруг совместно используемого генератора» (Schmalz, 2005, S. 290). По мнению Шмальца, Тимофеев-Ресовский, как глава Отдела генетики, лично систематически и по собственной инициативе был вовлечён в работу немецкого ВПК в годы войны.

Аргументы Шмальца дают хороший повод для того, чтобы проанализировать саму проблему взаимоотношений учёного с тоталитарными режимами, включая вопрос о возможном криминальном характере деятельности учёного в тоталитарном обществе.

Карл Циммер у нейтронного генератора (Источник: Schmaltz 2005; Wallstein Verlag)

На примере Отдела генетики можно выделить три различных аспекта вовлечённости исследовательского коллектива в военную машину нацистской Германии. Первый аспект — структурный. Отдел генетики, как часть немецкой социально-административной системы, должен был жить по законам этой системы и интегрироваться в существующие отношения между фундаментальной наукой, индустрией и государственной властью. То, что успешная структурная единица (а Отдел генетики был успешным по основным критериям, в том числе и по критериям крупнейших грантодателей) была интегрирована в систему, очевидно по определению, и архив DFG, на который ссылается Шмальц, раскрывает некоторые подробности этой интеграции, но его вывод не добавляет к существовавшей картине ничего нового.

Однако факт интегрированности ещё не означает, что Отдел генетики оказался послушным инструментом в руках государственной власти. Сама природа фундаментальной науки подразумевает автономную постановку исследовательских целей. Тимофеев-Ресовский организовывал свою группу вокруг фундаментальных задач популяционной, молекулярной генетики и общих проблем эволюции (Levit, Hossfeld, 2009). Его исследования были аналогичны эволюционным исследованиям в англоязычных странах и в СССР (если, конечно, вынести за скобки лысенкоизм). Тимофеев-Ресовский эффективно использовал существовавшую систему для решения фундаментальных научных задач. Таким образом, сам факт встроенности в существовавшую систему, в том числе и активная позиция по отношению к фондам, финансировавшим науку, ничего не говорит о содержании деятельности Отдела генетики.

Второй аспект касается возможного «криминального» характера существовавшего уровня интегрированности Тимофеева-Ресовского и его группы и характера её деятельности в Третьем рейхе. Повторимся, сам факт использования структурных

и финансовых стимулов, а также индустриальной мощи Германии ничего не говорит о криминальном характере деятельности научного подразделения. Работа группы Тимофеева-Ресовского в наименьшей степени обслуживала интересы германского ВПК, и нет ни одного документального подтверждения преступного характера деятельности Отдела генетики. Исследования Шмальца не изменили эту ситуацию, и ничего, кроме экспериментов с противогАЗами, он не обнаружил. Более того, не существует никаких документальных свидетельств того, что Тимофеев-Ресовский принимал нацистскую идеологию или даже сочувственно высказывался по этому поводу. Известно, что в 1938 г. он сделал доклад об экспериментальных исследованиях мутаций в контексте учебного курса по расологии и генетике, организованного Вальтером Гроссом из Расово-политического бюро НСДАП. Ничего не известно о содержании его доклада, хотя фотография в популярной газете "*Neues Volk*" («Новый народ») изображала Тимофеева-Ресовского в компании видных национал-социалистов². Это максимальный уровень документальных свидетельств, на котором могут базироваться «обвинения» в сотрудничестве.

Что касается экспериментов с противогАЗами, то и эта история не является новостью. Отдел генетики действительно занимался исследованиями противогАЗов (*Gasmaskenforschung*). Это было известно к моменту реабилитации Тимофеева-Ресовского, и статья, в которой двадцать строчек мелким шрифтом посвящены газовым маскам, была переведена на русский язык (Борн и др., 1990).

Наконец, существует аспект личного выбора и личной ответственности учёного. Это уровень моральных обвинений. Шмальц делает акцент на том, что Тимофеев-Ресовский остался в Германии по собственному выбору, отклонив предложение из США. К 1936 г., когда Тимофеев-Ресовский получил приглашение в Колд Спринг Харбор, преступный характер нацистского режима был очевиден и эмиграция учёных из Германии приобрела массовый характер. С 1933 по 1945 г. Германию покинуло порядка 2000 учёных (Ash, Söllner, 2002), в том числе и ведущие генетики, такие как Рихард Гольшмидт. Более того, как показывают исследования последних лет, насильственное выдворение учёных из академической среды началось раньше 1933 г., и к моменту, когда Тимофеев-Ресовский оказался перед выбором (1936), репрессии во многих ведущих университетах были уже завершены (Hossfeld et al., 2003). Так, 24 октября 1935 г. Министерство народного образования Тюрингии доложило в Берлин, что Йенский университет «свободен от евреев». Сообщалось, что ни среди профессорско-преподавательского состава, ни среди служащих университета не осталось ни одного еврея по определению «нюрнбергских законов» (Hossfeld et al., 2003, S. 56). В области биохимии, атомной физики, социальных наук доля уволенных и принужденных к эмиграции была особенно высока в университетах Берлина, Гейдельберга, Гёттингена, Киля, Франкфурта-на-Майне, Кёльна, Гамбурга. Поскольку чистки носили систематический характер и основывались на вновь принимаемых законах, невозможно предположить, что Тимофеев-Ресовский «не знал» о массовых репрессиях.

Можно построить этическую систему координат, в рамках которой отказ Тимофеева-Ресовского от переезда в либеральное общество и сам факт его сотрудничества с нацистским режимом будут подвергнуты моральному осуждению. Однако если принять подобную систему координат, осуждению будут подвергнуты большинство учёных середины XX века, поскольку они либо активно использовали ресурсы тоталитарных

²Neues Volk. 1938. Bd. 16. S. 30.

режимов (как известный критик Тимофеева-Ресовского — Н.П. Дубинин), либо были вовлечены в милитаристские проекты внутри либерального контекста, такие как Манхэттенский проект.

С нашей точки зрения, биография Тимофеева-Ресовского вполне вписывается в вывод, сделанный Э.И. Колчинским для тоталитарных режимов Германии и России, о том, что научное сообщество было готово идти на компромиссы с тоталитарными режимами, ожидая взамен финансовую поддержку и невмешательство государственной власти в научные исследования (Колчинский, 2007).

Литература

Борн Х.И., Тимофеев-Ресовский Н.В., Циммер К.Г. Биологические применения счетных трубок // Природа. 1990. № 9. С. 81–84.

Колчинский Э.И. Биология в Германии и России—СССР. СПб.: Нестор-История, 2007. 637 с.

Конашев М.Б. Несостоявшийся переезд Н.В. Тимофеева-Ресовского в США // На переломе: советская биология в 20–30-х годах. СПб., 1997. С. 94–106.

Рокитянский Я. Н.В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Лубянке // Рассекреченный Зубр / Под ред. Я. Рокитянского и др. М.: Академия, 2003. С. 6–162.

Ash M.G., Söllner A. Forced Migration and Scientific Change: Emigré German-Speaking Scientists and Scholars after 1933: Emigre German-Speaking Scientists and Scholars. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 320 p.

Hossfeld U. Im unsichtbaren Visier // *Medizinhistorisches Journal*. 2001. Bd. 36. S. 335–367.

Hossfeld U., John J., Lemuth O., Stutz R. “Kämpferische Wissenschaft”. Köln-Wien: Böhlau Verlag. 2003. 1600 S.

Lovelock J. The Vanishing Face of Gaia: A Final Warning. London: Basic Books, 2009. 288 p.

Schmaltz F. Kampfstoff-Forschung im Nationalsozialismus. Göttingen: Wallstein, 2005. 676 S.

Timofeeff-Ressovsky in Berlin-Buch: New Documents Revive old Accusations

*GEORGY S. LEVIT**, *UWE HOSSFELD***

* University of King’s College, 6350 Coburg Road, Halifax, NS, B3H2A1 Canada;
georgelevit@gmx.net

** AG Biodidactics, Jena University, Am Steiger 3, 07743 Jena, Germany;
uwe.hossfeld@uni-jena.de

Nikolai Vladimirovich Timoféeff-Ressovsky was one of the key figures in the Synthetic Theory of Evolution. Living and researching under the two most powerful and cruel totalitarian regimes in human history, the Third Reich and the Soviet Union, Timoféeff-Ressovsky succeeded in developing an ambitious research program aiming to explain evolution on all major levels, from the molecular-genetic, populational, and biogeocenotic to the level of the entire Biosphere. Yet his role in the Nazi Germany remains highly controversial. In our contribution, we approach the problem of his hypothetical cooperation with Nazi authorities examining a newly appeared book by a German historian of science Florian Schmaltz (2005).

Keywords: Timofeeff-Ressovsky, Third Reich, military research.